

Joanna Mianowska

Неизвестные страницы литературы третьей волны эмиграции : образ автора в прозе Александра Минчина

Acta Polono-Ruthenica 8, 181-186

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Joanna Mianowska
Akademia Pedagogiczna im. Kazimierza Wielkiego
Bydgoszcz

Неизвестные страницы литературы третьей волны эмиграции: образ автора в прозе Александра Минчина

При всем внимании польских и российских литературоведов к литературе русского зарубежья, остается еще большой круг авторов, творчество которых ждет своего изучения. Среди них и Минчин, тексты которого не публиковались в польских переводах.

Для творчества Минчина – представителя литературы третьей волны русской эмиграции, автора девяти романов, пьес, киносценариев и театральных постановок, образ автора – связывающее звено. Во-первых – это реальный автор, создавший произведения в соответствии со своим мировоззрением; во-вторых – это повествователь, от имени которого ведется повествование; и в третьих – это герой – главное действующее лицо происходящего. Так как автор – носитель творческой концепции произведения, он и объединяет в нем все темы, идеи и образы. Целесообразно проследить образ автора в триединстве в минчинских романах *Псих* (1981) и *Факультет патологии* (1986)¹. В последнем повествователь ведет рассказ от своего имени: „Начну-ка я с первого года обучения”². В *Психе* также уже в первом предложении повествования автор обещает: „Прежде всего вам расскажу, как я туда попал”³.

Попав в психушку по случайности, автор-повествователь уже на первых страницах романа отождествляется с психами. „Мы – подопытные...”, – пишет он, или же: „конечно, мы не как все люди – мы психи”. Как и чеховские герои в *Палате № 6*, минчинский Саша,

---

¹ А. Минчин, *Псих. Наталья*. Москва 1995; idem, *Факультет патологии*, Москва 1995.

² А. Минчин, *Факультет патологии...*, с. 7.

³ Ibidem.

переступив черту, отделяющую мир от палаты, ощущает себя ничтожным человеком. У Чехова „палата” – это скорее всего, символ, у Минчина же – советская реальность. Минчин в *Психе*, как и Чехов в *Палате*, искал ответ на вопрос о смысле человеческой жизни. Умирает чеховский Рагин и минчинский Саша, герой *Психа*.

Образ автора в *Психе* шире повествователя и героя: он вмещает их в себя. Как и все составные романа, они являются плодом авторского воображения. Повествователь обращается к читателю лично, рассказывая ему историю как бы из своей жизни. Но пишущий имеет также право на вымысел. Недаром Л. Гинзбург констатировала, что только тонкая грань отделяет автобиографию от автобиографической повести или романа⁴.

Как бы продолжая мысли и идеи российского исследователя, М. Черминьска справедливо считает, что в автобиографическом романе преобладает вымысел в создании персонажей и событий, но он отличается от литературного вымысла именно элементом сходства⁵. В этом русле и соображения другого польского исследователя – Р. Любас-Бартошиньской⁶.

Повествование Минчина от себя, авторское отождествление с психами, придает роману *Псих* искренность, интимность и даже некую доверительность, которая позволяет читателю поверить в достоверность происходящих событий. Описания инсулиновых шоков, приступов бешенства, а также юношей, симулирующих болезнь, чтобы избежать Красной Армии, онанизующихся по ночам в туалете, преступниц-врачей в белых халатах, сексуально озабоченных медсестер, санитаров-наркоманов – настраивают на активное восприятие текста, сочувствие психам, и, прежде всего, сопереживание автору-герою – повествователю. Невозможно не поверить в подлинность переживаний и ощущений героя, раскрывшего свои истинные чувства.

Сказанному способствуют и многочисленные обращения к читателю внутри текста, а также сюжеты отнюдь не паталогичные в мире дурдома – ласковая доброта тети Шуры, лечение умного врача Терпсихоры Афанасьевны, нежность и заботливость медсестры Иры.

---

⁴ См. Л. Гинзбург, *О психологической прозе*, Ленинград 1977, с. 133 и др.

⁵ См. М. Czermińska, *Autobiografia i powieść*. Gdańsk 1987, s. 7; idem, *Postawa autobiograficzna*, [w:] *Studia o narracji*, red. J. Błoński, Wrocław 1982, s. 223.

⁶ R. Lubas-Bartoszyńska, *Między autobiografią a literaturą*, Warszawa 1993.

Авторское мироощущение, хотя и сказывается на построении образа окружающего дурдома мира, однако, отличить реальное от вымышленного, степень причастности автора-повествователя к поставленным проблемам, почти невозможно.

При известности ужасов советской психиатрии из нехудожественной литературы, не удивляет авторская позиция, его понимание и оценка действительности. Собственная жизнь автора, некоторые биографические факты и внутренний мир служат Минчину материалом, на котором построено повествование *Психа*. В нем что-то упускается, изменяется, подвергается переработке или же просто вымышляется.

Как было сказано, в *Психе* герой-повествователь завершает жизнь самоубийством, как только выходит на свободу и он же перебирается на страницы *Факультета патологии* (1986), нашумевшего в свое время в Москве минчинского романа. Автор-рассказчик – герой в одном лице, кстати, также Саша, пародирует сам себя. Свободный от морали, он ставит себе цель выделиться среди других сокурсников факультета русского языка и литературы. Жизненность ситуации, узнаваемость героев (Минчин часто меняет всего лишь одну букву в фамилиях преподавателей, кстати, в *Психе* – врачей) институтской среды, создает вокруг автора и вокруг романа *Факультет патологии* разнообразные толки⁷. Вынесение слова „патология” в название романа определяет и читательскую позицию: читатель начинает не столько следить за ходом событий, сколько внимательно „перепроверять” диагнозы автора-рассказчика героя, размышляя о том, действительно ли перед нами патология, насколько она серьезна как социальное явление и, наконец, насколько автор объективен в регистрации патологических фактов.

Действие в романе, как определено уже на первых страницах, происходит в начале 70-ых годов. В одном лице автор-повествователь и главный герой Саша повествует о себе и своих сокурсниках второго года обучения⁸. Описывая „причуды, придури [...] вывихи и завихрения” преподавательского состава, а также „[...] гомосексуализм [...] вандализм, кретинизм, лесбианство” и другие отклонения у своих сокурсниц и сокурсников, автор обнаруживает контекст своего интереса к Фрейду и осмысление многих явлений дейст-

⁷ См. К.С., „Боярские дети” и советская патология, „Континент”, 1987, № 54.

⁸ А. Минчин, *Факультет патологии*...

вительности „по Фрейду”⁹. Постоянный лидер Саша, вернувшийся на второй курс обучения после пребывания в психушке, повествует также о своих перипетиях с зачетами и экзаменами.

В романе явно выражена также авторская позиция по отношению к социальному строю и его патологическим явлениям – коррупции в вузах, образе жизни высокопоставленных лиц, фарцовке, запрещенности некоторых писателей и поэтов, отношении к коммунизму, и т.д. Тонкий наблюдатель, Минчин, сумел отметить не только человеческие недостатки, но и систему, в которой функционировал институт и факультет. Не избежал он преувеличений, фантазий, например, буфетчица оставляла лимончик для ректора! и для автора-героя, возможно, и лжи (ради красного словца!). Если, взяв в руки *Факультет патологии*, можно подумать, что речь пойдет об одних извращениях и патологиях (слова и выражения усугубляют это впечатление), то дальнейший анализ текста убеждает в том, что действительность разнообразнее и сложнее заявленного взгляда автора.

Ведь роман, написанный в 70-е годы, анализируется в 2001 г., когда патология „шагнула вперед”, неся с собой такие серьезные явления, как СПИД, сектанство и прочее. Не удивляет ныне игра в карты в институте, пьянки и открыто заявленный сексуализм студентов, а патология как авторская позиция касается, прежде всего, власти и „вшивого”, по минчинскому определению соцстроя, сыновей и дочерей истеблишмента, „детей Цэдеэля”, как их называет Минчин¹⁰. Присутствие автора ощутимо в целом романе *Факультет патологии*, отпечаток его жизневосприятия сказывается на построении образа окружающего мира – преподавателей, институтской среды и, наконец, сокурсниц и сокурсников. Отраженная в романе действительность, отличается от реальной, ибо в ней запечатлились симпатии и антипатии автора-повествователя-героя. Патологическим в смысле поведенческой нормы является отношение Автора романа к своему институту, лекционным и другим занятиям.

После анализа романа *Факультет патологии*, хочется изменить заглавие на *Патология на факультете*. Осмысление авторской позиции содержится в минчинских словах: „Все мы больные. И эта аномальность считается нормальной, а эту нормальность называют

---

⁹ Ibidem, с. 3, 8.

¹⁰ Ibidem, с. 43.

– люди. А теперь убери все и между »люди« и »больные« поставь тире, и это дает тебе знак равенства и тождества”¹¹.

Авторская позиция в романе *Факультет патологии* – это взгляд на мир сквозь призму патологии. Автор, употребляя выражения типа „шизофреничка”, „идиотка”, „психиатр”, „психдиспансер”, заданный, прежде всего императив „познай самого себя”, хотел, видимо, поменять известный вопрос русской литературы „Что делать?” на вопрос: „Что сделать с собой?”. Целостное понимание этой проблемы – это и есть понимание „искусства жизни”, которое может иногда достигнуть статуса „эстетики существования”. Ответ на эти вопросы в какой-то мере может дать *История сексуальности* Мишеля Фуко и констатация Автора-повествователя и героя Саши Ланина: „Все мы под Фрейдом ходим”¹².

Образ Автора – это художественный образ Саши в *Психе* и Саши в *Факультете*, созданный, как и многие другие в романах Минчина по его же мировоззрению. Но на образ автора складываются также основные черты его характера, как и художественно преобразованной биографии писателя.

Жаль, конечно, что автор-повествователь и герой в реальности известного в России московского пединститута сумел увидеть только торжество „материально-телесного низа” (по Бахтину). И этот факт характеризует его не в меньшей степени, чем то, что он наблюдает и фиксирует. Видеть человека и окружение в специфическом ракурсе патологии – эта авторская позиция провоцирует, склоняет к размышлениям.

Образ автора минчинских романов не может быть до конца понят, если мы не увидим его полемичности: его герой полемичен к героям студенческих повестей, которые были исполнены исключительно романтических порывов и заняты борьбой за светлое будущее, а повествователь – полемичен по отношению к образу советского писателя, который тщательно отыскивает в действительности „типических героев в типических обстоятельствах” и факты „борьбы лучшего с хорошим”. Оба анализируемые произведения А. Минчина пронизаны полемичностью, разоблачением мифов о лжи советской действительности, и это оказывается важнейшей „несу-

¹¹ Ibidem, s. 303 (разрядка Минчина – И.М.).

¹² M. Foucault, *Historia seksualności*, Warszawa 1995; А. Минчин, *Факультет...*, с. 89.

щей конструкцией” образа автора. Он воспринимается как полная противоположность стереотипу советского студента и советского писателя (например, в сравнении с романом Ю. Трифонова *Студенты*). И уже тут есть опасность возникновения „антистереотипа”, а не художественного реалистического построения. Минчин не столько повествует о событиях, сколько дает „альтернативное освещение” жизни хорошо известного в стране учебного заведения.

И, наконец, образ читателя, которому автор не только хочет представить свою картину действительности, но и переубедить его в том, что он знает из других книг. Его читатель – это читатель советской литературы, опыт чтения которой учитывает автор, пытаясь его дискредитировать своим повествованием.

В *Психе*, как и в *Факультете*, создан не только автопортрет, но и художественный образ, наполненный творческим замыслом. Другое дело, что „не всем дано быть Сартрами”¹³.

Streszczenie

Nieznane strony literatury trzeciej emigracji: obraz autora w prozie Aleksandra Minczina

Przedmiotem analizy jest twórczość Aleksandra Minczina – pisarza dotąd nieznanego w naszym kraju – przedstawiciela tzw. trzeciej fali emigracji. Skoncentrowano się głównie na trzech powieściach pisarza, analizując funkcję obrazu autora–narratora w tych utworach.

---

¹³ К.С., „Боярские дети”..., с. 413.